ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 10 (22) Апрѣля 1895 г. ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 10 (22) Апрѣля 1895 г

№ 96

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ

№ 96

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

РЕДАКЦІЯ: Казанская, 2. ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО. КОНТОРА: Казанская, 2.

ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКЦІИ ГАЗЕТЫ „ПЕТЕРБ. ЛИСТОКЪ" 943

ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКТОРА И ТИПОГРАФІИ „ПЕТЕРБ. ЛИСТОКЪ" 937

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ въ 1895 г.	На 12 мѣсяц.	На 11 мѣсяц.	На 10 мѣсяц.	На 9 мѣсяц.	На 8 мѣсяц.	На 7 мѣсяц.	На 6 мѣсяц.	На 5 мѣсяц.	На 4 мѣсяца.	На 3 мѣсяца.	На 2 мѣсяца.	На 1 мѣсяцъ.
Безъ доставки	7 руб. 50 к.	7 руб. — к.	6 руб. 50 к.	6 руб. — к.	5 руб. 50 к.	5 руб. — к.	4 руб. 30 к.	3 руб. 60 к.	2 руб. 90 к.	2 руб. 20 к.	1 руб. 50 к.	— руб. 80 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	9 „ — „	8 „ 50 „	8 „ — „	7 „ — „	6 „ 40 „	6 „ — „	5 „ 50 „	4 „ 60 „	3 „ 70 „	2 „ 80 „	1 „ 90 „	1 „ — „
Съ пересылкою въ другіе города	10 „ — „	9 „ 50 „	9 „ — „	8 „ 50 „	7 „ 50 „	7 „ — „	6 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	3 „ 30 „	2 „ 20 „	1 „ 20 „
„ „ за-границу	15 „ — „	14 „ — „	13 „ — „	12 „ — „	11 „ — „	9 „ 90 „	8 „ 70 „	7 „ 20 „	6 „ 40 „	5 „ 10 „	3 „ 80 „	2 „ 60 „

ОТЪ КОНТОРЫ: Для гг. служащихъ допускается разсроченная подписка чрезъ казначеевъ при равномѣрной уплатѣ годовой подписной цѣны за каждый мѣсяцъ впередъ; разсроченные по соглашенію платятъ: городскіе—при подписокъ 5 р., въ концѣ Іюня 4 руб.; иногородные—при подпискѣ 6 р. и въ концѣ Іюня 4 руб. Отдѣльный № стоитъ пять копѣекъ.

За объявленіе извѣстнаго по ужасѣ занимаемое мѣсто, считая по 30 коп. на первой страницѣ, по 15 коп. въ „Справочномъ листкѣ", по 12 коп. на послѣдней за строчку. Печатаніе вносится въ концѣ „Театральнаго курьера", а равно рекламъ въ текстѣ газеты—по соглашенію съ редакціей. Контора открыта отъ 10 час. утра до 5 час. веч. и по праздникамъ до 2 часовъ пополудни.

ОТЪ РЕДАКЦІИ: Статьи для помѣщенія въ газетѣ должны быть доставлены: съ подписью и адресомъ автора съ обозначеніемъ гонорара; при несоблюденіи перваго условія, статьи напечатаны не будутъ, а втораго условія—онѣ считаются безплатными: гонораръ выдается по Вторникамъ.

Большія статьи сохраняются мѣсяцъ, мелкія-же замѣтки и стихотворенія, неудобныя къ печати, уничтожаются.

Объясненіе съ редакторомъ или однимъ изъ членовъ редакціи—ежедневно, отъ 2 до 4 часовъ пополудни.

Контора и редакція помѣщаются: на углу Казанской площади и Казанской улицы, домъ Кохендерфера, № 1—2.

ВЪ ЭТОМЪ НОМЕРѢ ШЕСТЬ СТРАНИЦЪ.

Театръ В. А. НЕМЕТТИ 39. Офицерская, 39. Дирекція А. М. Горина-Горяйнова. 6—6

Сегодня, въ Понедѣльникъ, 10-го, апрѣля, ком. въ 4 д., 5 карт., пер. Н. Лухмановой. MADAME SANS-GÊNE (Герои 1-й Имперіи). Катринъ Юбше — М. ПЕТИПА. Наполеонъ 1-й — А. М. ГОРИНЪ -ГОРЯЙНОВЪ. Начало ровно въ 8 час. Касса открыта ежедневно съ 11 ч. утра. Гг. режис. С. К. ЛЕННИ. 6292

Вспышка у домашняго очага. водевиль въ 1 дѣйствіи. Г-жи Марьина, Морская, Г. Печерицъ

Завтра, во Вторникъ, 11-го Апрѣля: „Пылкія сердца", ком. въ 3 д., соч. Т—ва, съ участіемъ въ 1-й разъ А. П. ТЕОДОЗЬЕВОЙ: „Ножъ моей же мы", комедія въ 3 дѣйст.

КРЕСТОВСКІЙ САДЪ. роскошный зимній садъ. Входъ безплатный. Ежедневно играетъ знамен. румынск. оркестръ подъ упр. САВЫ ПАДУРІАНО удост. чести играть въ присутствіи Ихъ Императ. Величествъ въ Пете проф. Дворцѣ. Большой дивертисементъ съ участ. цыганскаго хора Н. Ф. Шишкова, новаго квинтета бебе Fin de siècle, венгерскаго хора Каллай, известнаго гармониста-виртуоза. ГОЛИЦЫНА. 3-4 6073

МАЛЫЙ театръ. 6—5 6310 Сегодня, въ Понедѣльникъ, 10-го, и завтра, во Вторникъ, 11-го Апрѣля, гастроли московскаго театра Корша. MADAME SANS-GÊNE ком. въ 4 д., Сарду и Моро, перев. Ф. А. Корша.

Въ Среду, 12-го Апрѣля, въ 1-й разъ новая пьеса: ТЕТКА ЧАРЛЭЯ. Касса открыта съ 11 часовъ утра. Участв.: г-жи Каменецъ-Бежокова, Кирова, Немерадова; гг. Черновъ, Морозовъ, Вахимировъ-Южинъ, Славинскій и др. Начало въ 8 ч. Режиссеръ М. Чернов.

Театръ Кононова. Сегодня, въ Понедѣльникъ, 10 Апрѣля, спектакль подъ режиссерствомъ М. И. Чернова. 1) Цыганка Занда, др. въ 4 д., переводъ А. П. Морозова. 2) Въ 1-й разъ нигдѣ неигранный фарсъ: Изъ подъ стола—къ вѣнцу, соч. М. И. Чернова. 6—4 6266 Въ заключеніе ТАНЦЫ до 3 час. ночи.

АЛЬКАЗАРЪ. Сегодня, 10 Апр. Любим. публики РОССІЙСКІЙ ТРІО ФЛЕРИ. Восходящ. звѣздочка „Альказара" г-жа Белла-Роза и Поппонъ ЭНГЕЛЬ любимица публики. оригинальные дуэтисты. Извѣстная труппа Чудновскаго. Г-жа Жоржей. 8 Г-жа Тото. Подробности въ программахъ. Начало въ 9 часовъ вечера. Въ Пятницу 14 Апрѣля, бенефисъ управляющаго И. Д. Громова. 6302 Г. Зейфертъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ" на 9 мѣсяцевъ съ 1 Апрѣля по 31-е Декабря 1895 г.

безъ доставки . . . . . 6 р. — к. | Съ перес. во всѣ города . 8 р. 50 к.
съ доставкой въ С.-Петерб. 7 „ 50 „ | За-границу . . . . . 12 „ — „

Остальные сроки см. въ заголовкѣ.

ВЫЗОВЪ.

Много было писано въ газетахъ и много было толковъ о бывшихъ борьбахъ въ циркѣ Чинизелли, между профессіональными борцами, именно: римской, французской, швейцарской и прок. по кавказской борьбѣ еще не было и ни кто здѣсь ея не видалъ. Желая сосредоточить на моей борьбѣ

я вызываю всѣхъ профессіональныхъ борцовъ на кавказскую со мною борьбу, на заложенную премію 300 р.

Отвѣтъ на этотъ вызовъ прошу сообщать печатно чрезъ посредство этой газеты.

Г. ПАЛЛИСАРЪ,

профессіональный борецъ Швейцаріи.

2—20 3—4904

ОБЪЯВЛЕНІЕ
С.-Петербургскаго градоначальника

Согласно установленному порядку движенія экипажей по главнымъ улицамъ столицы, тихо ѣдущіе экипажи должны слѣдовать правѣе, ближе къ тротуару, оставляя среднюю часть улицы для экипажей, быстрѣе ѣдущихъ, которые вслѣдствіе сего обгоняютъ первыхъ съ лѣвой стороны. Поэтому, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, не является возможнымъ допустить велосипедистовъ обгонять тихо ѣдущіе экипажи также съ лѣвой стороны, въ особенности на тѣхъ улицахъ, гдѣ движеніе экипажей значительное.

Въ виду сего установлено правило, чтобы велосипедисты объѣзжали экипажи со стороны тротуара, т. е., исключительно съ правой стороны, кромѣ лишь того случая, когда экипажъ остановился у тротуара. Если въ данный моментъ обогнать экипажъ съ правой стороны не является удобнымъ, то велосипедистъ долженъ держаться позади этого экипажа, пока не встрѣтится возможность объѣхать его правѣе.

Въ этомъ смыслѣ въ § 5 правилъ велосипедной ѣзды и требуется отъ велосипедистовъ держаться правой стороны улицы, по возможности ближе къ тротуару.

Между тѣмъ, въ послѣднее время замѣченъ цѣлый рядъ нарушеній Гг. велосипедистами вышеозначеннаго параграфа и преимущественно на Невскомъ проспектѣ, причемъ чины полиціи, исполнявшіе свою обязанность, записывая №№ нарушителей, подвергались съ ихъ стороны многимъ неосновательнымъ пререканіямъ.

Въ виду сего я считаю нужнымъ подтвердить, что велосипедное движеніе на улицахъ города можетъ быть мною допущено лишь при точномъ исполненіи, согласно вышеприведеннымъ разъясненіямъ § 5 правилъ велосипедной ѣзды. Новые въ нарушеніи этого параграфа лица будутъ подвергаемы мною административнымъ взысканіямъ.

Если же и затѣмъ случаи нарушенія указанныхъ правилъ не уменьшатся и Гг. велосипедисты докажутъ этимъ нежеланіе подчиниться имъ, то я вынужденъ буду воспретить ѣзду на велосипедахъ по главнымъ улицамъ города.

Подписалъ: С.-Петербургскій градоначальникъ, генералъ-лейтенантъ фонъ-Валь.

ПАНАЕВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Во Вторникъ, 11-го Апрѣля 1895 г.
2-й СПЕКТАКЛЬ ЛИТЕРАТУРНО - АРТИСТИЧЕСКАГО КРУЖКА.
Представлена будетъ въ 1-й разъ неигранная въ Россіи пьеса:

ГАННЕЛЕ.

фантастическая сцена въ 2-хъ частяхъ соч. Герарда Гауптмана, перев. съ нѣмецкаго А. Г. Музыка аранжирована В. И. Главачемъ и М. М. Ивановымъ. Новая декорація *.*, бутафорскія вещи *.*, костюмы г. Бергеръ и *.*, освѣщеніе *.*.

Дѣйствующія лица:

Ганнеле, Готвальдъ учитель, Сестра Марта дьяконисса, Тулле, Гелвига, Плешке—обитатели пріюта, Ганке, Зейдель лѣсникъ, Бергеръ бургомистръ, Шмидтъ сторожъ, Вахлеръ докторъ, Вихманъ, дьяволъ, Ганнеле, каменщикъ Матерн и отецъ, призракъ женщины: ея покойная мать, призракъ смерти, дьяконисса, Готвальдъ, странникъ, жнецы богадѣльни, женщины, пришедшія на похороны, юноши въ бѣлыхъ одеждахъ, народъ.

Во второй разъ.

ПРОХОЖІЙ

Лирическая опера въ 1 д. Паладилли на текстъ Ф. Копие, перев. О. Чюминой. Оркестровая аранжировка В. И. Главача и М. М. Иванова. Гармоніумъ изъ дено Циммерманна. Роль Занетто исп. З. В. Главачъ, роль Сильвіи исп. С. К. Лясенко. Партіи: на гармоніумѣ исп. В. И. Главачъ, на фортепіано г. Корь-де-Ласъ. Дирижировать оркестромъ будетъ М. М. Ивановъ. Подробности въ программѣ. Начало въ 8½ час. веч. Билеты можно получать въ кассѣ Панаевскаго театра ежедневно съ 11 ч. утра до 7 ч. веч., а въ день спектакля съ 10 ч. утра до окончанія спектакля. 000

2—27

ЦИРКЪ ЧИНИЗЕЛЛИ. Сегодня большое представленіе. Подробн. въ афиш. и прогр. Начало въ 8 час. вечера. 3—4904

ВЕЛОСИПЕДЪ

Спеціально ДѢТСКОЕ МЫЛО РАЛЛЕ для мытья детей 20 к. Невскій проспектъ, 18. ИЗЛѢЧОЧНАЯ ВОДА РАЛЛЕ. 10 3—3558

Меблированная дача

особнякъ теплая, на берегу I—го озера въ „Озерекахъ" по Финл. ж. д. 10 комн., прихожая, купальня, ледяка, садъ. Узн. подр. Коломенская, д. 7, кв. 2 отъ 5-6 21047

ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Историческое Общество

Собраніе 6-го Апрѣля
подъ предсѣдательствомъ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

6-го Апрѣля, въ 9½ часовъ вечера, состоялось въ Аничковскомъ дворцѣ, въ присутствіи Государя Императора и ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Владиміра Александровича и Константина Константиновича, собраніе Императорскаго русскаго историческаго Общества *).

Его Императорскому Величеству благоугодно было обратиться къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами:

„Вамъ памятно, господа, съ какою любовію и съ какимъ попеченіемъ относился Мой незабвенный покойный Родитель къ трудамъ нашего историческаго Общества. Принимая на Себя званіе Предсѣдателя онаго, Я буду стараться слѣдовать Его высокому примѣру и съ такою-же сердечностью работать надъ продолженіемъ начатаго Имъ дѣла. Увѣренъ, господа, что съ вашей стороны Я встрѣчу полную поддержку въ новыхъ плодотворныхъ трудахъ по изслѣдованію и разработкѣ отечественной исторіи".

На эти милостивыя слова Государя Императора предсѣдатель Общества А. А. Половцовъ отвѣтилъ слѣдующими словами:

„Прошу позволенія у Вашего Императорскаго Величества принести Вамъ, Государь, выраженіе глубокой вѣрноподданнической благодарности Императорскаго русскаго историческаго Общества за оказываемое ему милостивое выраженіе Августѣйшаго вниманія, которое послужитъ залогомъ успѣшной дѣятельности общества въ будущемъ".

Затѣмъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, открыто было засѣданіе Общества слѣдующею рѣчью предсѣдателя А. А. Половцова:

„Россія, вмѣстѣ съ нею и весь просвѣщенный міръ, вознесъ сердечной, неподдѣльной скорби увѣковѣчили свѣтлыя черты Императора Александра III.

„Не сегодня, не здѣсь говорить о Его неустанныхъ трудахъ на пользу, на благополучіе русскаго народа; но сегодня, но здѣсь предъ Августѣйшимъ ближайшимъ свидѣтелемъ и Державнымъ преемникомъ трудовъ сихъ, предъ собраніемъ людей, живо и благодарно памятующихъ отзывчость покойнаго Государя къ стремленію, насъ всѣхъ въ одно общество сплоченному, да позволено мнѣ будетъ обратиться воспоминаніемъ къ неизмѣнно близкому покровительственному Его къ судьбамъ нашихъ участію.

„Главною основною мыслью учрежденія русскаго историческаго Общества послужило то убѣжденіе, что исторія нашего отечества сдѣлается тѣмъ болѣе привлекательною, чѣмъ болѣе она будетъ извѣстна; что лучшимъ способомъ сдѣлать ее извѣстною является безпристрастное напечатаніе имѣющихъ значеніе актовъ, документовъ, хранящихся недоступными въ архивахъ, а по напечатаніи имѣющихъ дать прочную основу исторической литературѣ. Необходимость такого обнародованія дѣлалась тѣмъ болѣе ощутительною въ первые годы царствованія Императора Александра Втораго, что при отсутствіи серьезнаго историческаго матеріала, при постоянно увеличивавшемся расположеніи русскаго народа къ изученію своей исторіи, въ печати появлялись только произведенія, въ большей части случаевъ неудовлетворительныя, какъ вслѣдствіе неполноты попадавшихся фактовъ, такъ и происходившей отсюда неѣрности въ ихъ оцѣнкѣ. Подобныя преграды къ успѣхамъ отечественной исторіи были особенно значительны въ сферѣ послѣпетровскаго времени. До второй половины нынѣшняго столѣтія отечественная исторія предшествовавшихъ полутораста лѣтъ оставалась почти неизвѣстною русской публикѣ. За отсутствіемъ отечественныхъ научныхъ трудовъ, приходилось довольствоваться иностранными сочиненіями, по скудости свѣдѣній, а иногда и по недобросовѣстности, представлявшихъ событія въ невѣрномъ видѣ.

„Наступившія по вокареніи Императора Александра Втораго облегченія печатному слову положили начало появленію, преимущественно [illegible] изданіямъ, сообщеній о этихъ, отрывочно, неразборчиво передаваемыхъ самыя разнообразныя и случайно попавшіяся событія, обращали на себя вниманіе своимъ характеромъ новизны и нравственной особенности болѣе, чѣмъ научною правдивостью. Жаждавшему узнать свое прошлое русскому народу подносилась только непритязная картина слабостей и недостатковъ, вліявшихъ на судьбы его; возвышенныя, существенныя стороны нашей государственной, жизненной дѣятельности, создавшія великую и всѣмъ намъ дорогую Россію, въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ, за рѣдкими исключеніями, силою обстоятельствъ обходились молчаніемъ, разрушавшимъ народную вѣру и въ себя и съ правившіяся ихъ силы.

„Такая несправедливость оцѣнки нашего прошедшаго, необходимость возстановленія исторической правды сознаны были Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и Ему угодно было стать во главѣ учреждавшагося подъ вліяніемъ высказанныхъ мною взглядовъ русскаго историческаго Общества.

„28-го Февраля 1867 г. послѣдовало первое наше общее собраніе. Маститый нашъ старшина, увѣнчанный литературными лаврами, полный личныхъ историческихъ воспоминаній, князь П. А. Вяземскій, обратился къ Августѣйшему Почетному Предсѣдателю нашему съ привѣтственными, живо-прочувствованными словами: „Отечественная исторія,—говорилъ князь,—намъ всѣмъ родная, но для Вашего Высочества она имѣетъ еще прелесть и назиданіе семейной хроники. Мы всѣ дѣти великихъ царствованій Екатерины II, Александра I, Николая I, но Вы ихъ прямой и законный наслѣдникъ. Вамъ предстоитъ преимущественно священная обязанность, великая, но и трудная задача, внести въ свою очередь съ честью и пользою имя Вашъ въ сію семейную царственную хронику и передать память о Себѣ народнымъ скрижалямъ". Обращаясь воспоминаніемъ къ авторитету Карамзина, князь Вяземскій окончилъ свое привѣтствіе такъ: „Цари должны преимущественно предъ прочими изучать минувшую исторію своего народа, чтобы въ настоящей и будущей занять почетное и незабвенное мѣсто".

„Благодарю васъ за любезно возлагаемыя на Меня надежды. Сдѣлаю, что могу",—отвѣчалъ Великій Князь.

„Скромная искренность, глубокая правдивость—отличительныя черты покойнаго Государя—вылились въ этихъ немногихъ словахъ, положенныхъ въ основу нашей дѣятельности. Дѣятельность эта на первыхъ порахъ представлялась въ извѣстной степени затруднительною. Нѣсколько частныхъ лицъ, какъ, напримѣръ: кн. Орловъ, кн. Репнинъ, предоставили въ распоряженіе Общества свои фамильные архивы, но заимствуемыя изъ этихъ архивовъ бумаги немногимъ отличались отъ безсвязнаго въ историческомъ отношеніи содержанія тогдашнихъ поверенныхъ изданій. Для обобщенія серьезныхъ матеріаловъ необходимо было прибѣгнуть къ архивамъ правительственнымъ, но для этого нужно было мощное вліяніе, въ проявленіи коего Августѣйшій Предсѣдатель никогда не отказывалъ „нашему" обществу, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе называть его.

„Останавливая прежде всего вниманіе на этотъ мало извѣстный и исполненномъ историческаго значенія царствованіи Императрицы Екатерины II, Общество на первыхъ-же порахъ своего существованія задумало издать труды созванной Императрицею комиссіи депутатовъ для составленія проекта новаго уложенія. Во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, гдѣ хранилось это дѣло, уже начаты были по сему предмету работы Д. В. Полѣновымъ, но изданіе ихъ останавливалось передъ опасеніемъ, что комиссія эта представляла что-то противоправительственное, политически опасное. Ознакомясь съ содержаніемъ этихъ бумагъ, Великій Князь Цесаревичъ убѣдился въ томъ, что созванные Великою Государынею изъ отдаленныхъ уголовъ Россіи сыны ея, хотя и окрещенные не для всѣхъ ихъ понятнымъ прозвищемъ депутатовъ, принесли къ подножію Престола своей Монархини, вмѣстѣ съ безграничнымъ чувствомъ вѣрноподданнической преданности, правдивые отвѣты на поставленные имъ обѣ устройствѣ жизни ихъ вопросы,—отвѣты, послужившіе исходною точкою важнѣйшихъ Екатерининскихъ законодательныхъ преобразованій. Вождь, одаренный такое убѣжденіе, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ отличавшею Его нравственною рѣшимостью исходатайствовалъ у Августѣйшаго Своего Родителя дозволеніе издать труды [illegible] для общаго взгляда, коему они обязаны своимъ существованіемъ, а Общество наше—первыми своими успѣхами.

„Обобщеніе отдѣльныхъ документовъ, до царствованія Императрицы Екатерины относящихся, естественно привело къ предположенію о пользѣ обнародованія переписки этой великой мыслительницы, этого проницательнаго знатока человѣческаго сердца, этого добраго генія Россіи. Здѣсь опять стояли поперекъ опасенія, съ одной стороны, раскрыть сокровенныя политическія побужденія нашего кабинета, съ другой—дать пищу злоязычнымъ, отыскивающимъ въ частной жизни правителей тѣ данныя поводъ къ осужденію политическихъ подробностей, кои должны сгущеваться въ общемъ научно и художественно вѣрномъ изображеніи людей, выдвинутыхъ на первый планъ Провидѣніемъ и личными подвигами.

„Предъ твердо выраженнымъ взглядомъ Цесаревича снова исчезли опасенія людей, часто заботящихся о собственномъ спокойствіи болѣе, чѣмъ объ умственномъ движеніи собратій. Двери архивовъ разверзлись — и многочисленные томы нашего „Сборника" послужили вящшимъ доказательствомъ не только проницательности, но и прямоты нашей государственной политики, явили новое свидѣтельство того, что Императрица Екатерина и въ слабостяхъ женщины никогда не теряла величія Императрицы.

„Правда, покуда печатались эти томы, нерѣдко приходилось останавливаться предъ излишнею решительностью архивныхъ хранителей, но остановки эти не бывали продолжительны. Я имѣлъ въ полномъ смыслѣ слова счастіе повергать ихъ на судъ въ Бозѣ почившаго Государя, и съ какою простотою, съ какимъ безпримѣрнымъ добродушіемъ, единый почерокъ его карандаша, единое доброе слово устраняли возникавшія сомнѣнія, уничтожали предвзятости. Стоитъ-ли говорить о томъ, какъ доброе слово подчасъ сопровождалось и добрымъ дѣломъ? Нѣтъ! Покойный творилъ добро такъ, что шуйца не вѣдала, что творитъ десница. Преклонимся и нынѣ предъ волею Его.

„При такомъ, въ лучшемъ смыслѣ человѣческомъ, отношеніи Августѣйшаго Нашего Предсѣдателя къ дѣлу, конечно, облегчилось достиженіе задачъ, Обществомъ преслѣдуемыхъ. Томы нашего „Сборника" умножались, ссылками на нихъ наполнялись вновь появлявшіяся о Россіи историческія сочиненія, прежніе взгляды историковъ измѣнялись, предубѣжденія исчезали. Шаги на этомъ пути отмѣчались годичными, столь дорогою памятными всѣмъ намъ, собраніями Общества.

„Здѣсь, безъ какой-бы то ни было натянутости, со свойственною Ему непринужденностью обхожденія, нашъ Вѣнценосный Хозяинъ выслушивалъ отчеты о скромныхъ трудахъ нашихъ. Какъ предупредительно вникалъ Онъ въ подробности чтеній, имѣющихъ подчасъ довольно исключительный характеръ. Сколь привѣтливы были Его обращенія къ ветеранамъ науки, къ Его бывшимъ преподавателямъ, какъ, напримѣръ, С. М. Соловьевъ, или Я. К. Гротъ, какъ поощрительны вопросы младшимъ членамъ нашей научной семьи.

„При входѣ въ Царскія палаты, невольно чувствуется что-то родѣ торжественной сдержанности, подчасъ сковывающей внѣшнее проявленіе самыхъ лучшихъ чувствъ; на каждомъ лицѣ, около этого стола, уѣдинѣ каждому изъ насъ приходилось взглядъ съ крѣпкимъ рукопожатіемъ, покойный Государь двумя, тремя словами измѣнялъ настроеніе присутствовавшихъ. Атмосфера наполнялась тѣмъ добрымъ человѣческимъ чувствомъ, котораго не исключаетъ самое неизмѣримое внѣшнее разстояніе, людей раздѣляющее,—тѣмъ чувствомъ, безъ котораго не творится ничего въ истинномъ смыслѣ человѣческаго. Какъ часто, уходя отсюда, приходилось слышать возгласы: „Ахъ, если-бы побольше людей могли видѣть и слышать нашего Царя такъ, какъ мы Его сегодня видѣли и слышали; какъ выросъ-бы Его образъ предъ милліонами людей; какъ освѣтилась-бы искренность, возвышенность Его душевныхъ стремленій, если-бы обстоятельства сдѣлали ихъ извѣстными изъ полнаго чистѣйшаго источника".

„Болѣе Всевышняго не стало Отечеству нашему—Царя, Обществу нашему—Благодѣтеля. Исторія начертитъ предъ глазами потомства тѣ данныя достойныя пониманію современниковъ свѣтлый ликъ Его. Я счастливъ, что въ качествѣ представителя Императорскаго [illegible] Общества, хранителя [illegible] благодарности, вложившаго сердца наши преисполненныя,—сказать здѣсь, что все дышетъ воспоминаніемъ о Немъ, здѣсь, гдѣ сегодня осѣняетъ насъ тѣнь Его, предъ которою съ благоговѣніемъ умолкаю".

Вслѣдъ за предсѣдателемъ Общества, Ѳ. Ѳ. Веселаго прочиталъ рѣчь, посвященную описанію трудовъ въ Бозѣ почившаго Императора по усовершенствованію и усиленію нашего флота. Рѣчь эта печатается въ изложеніи:

„Великій Основатель русскаго флота опредѣлилъ его государственное значеніе слѣдующими словами: „Сіе дѣло необходимо нужно есть государству, по оной пословицѣ, что всякій потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ; а который и флотъ имѣетъ, обѣ руки имѣетъ". Создавъ флотъ, генія Петра, при дружномъ содѣйствіи этихъ двухъ могучихъ рукъ, быстро расширилъ предѣлы нашего Отечества, поставилъ его въ рядъ великихъ европейскихъ державъ и положилъ прочныя основанія дальнѣйшему развитію его могущества и благоденствія.

„Съ самаго основанія своего русскій флотъ имѣлъ счастіе пользоваться милостивымъ расположеніемъ своихъ монарховъ. Доблестный труженикъ, Петръ Великій, относился къ любимому дѣтищу своему съ отеческою заботливостью и горячею любовію. Великая Екатерина, въ одномъ изъ своихъ указовъ, выразилась о морской службѣ такъ: „что флотская служба знатна и хороша,—то всѣмъ извѣстно; но, насупротивъ того, столь-же трудна и опасна, почему болѣе Монарпиу Нашу милость и попеченіе заслуживаетъ". Благодаря такому взгляду на флотъ, Великая Государыня вывела его изъ бывшаго послѣ кончины Петра печальнаго застоя, и, поднявъ на высоту петровскаго времени, назначила генералъ-адмираломъ флота Государя Наслѣдника Павла Петровича. Августѣйшій Начальникъ флота, пріобрѣтя съ юныхъ лѣтъ тепло къ нему расположеніе, постоянно выказывалъ его и во все Свое царствованіе, въ продолженіе котораго благоволилъ даже сохранить и званіе генералъ-адмирала. Императоръ Николай Павловичъ, еще Великимъ Княземъ имѣвшій случай ознакомиться съ трудностями морской службы, до конца своей жизни сердечно любилъ флотъ и гордился о немъ заботился. По примѣру Екатерины, онъ назначилъ генералъ-адмираломъ флота Августѣйшаго Своего Сына и, поднимая флотъ, послѣ новаго бывшаго временнаго застоя, началъ Свою благотворную дѣятельность самымъ основательнымъ образомъ, приступивъ немедленно къ улучшенію воспитанія молодыхъ людей, готовящихся быть морскими офицерами, и къ практическому обученію личнаго состава флота. При Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ моряки, состоявшіе подъ отечески-заботливымъ начальствомъ своего Генералъ-Адмирала, Великаго Князя Константина Николаевича, были осыпаны неисчислимыми монаршими благодѣяніями, изъ которыхъ важнѣйшимъ было: передача Государемъ Своему Царственному преемнику тепла-го расположенія къ флоту.

„Благотворныя сѣмена, посѣянныя Августѣйшими дѣятелями, упали не на безплодную почву, доказательствомъ чего служатъ славныя имена Гангута, Чесмы, Наварина, Синопа, Севастополя и многія блестящія экспедиціи, военныя и ученыя.

„Многія подробности правительственной дѣятельности и частной жизни въ Бозѣ по-

*) Въ засѣданіи присутствовали слѣдующіе дѣйствительные члены Общества: П. И. Бартеневъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, Ѳ. Ѳ. Веселаго, Н. Ѳ. Дубровинъ, А. Н. Куломзинъ, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, К. П. Побѣдоносцевъ, А. А. Половцовъ, В. И. Сергѣевичъ, графъ С. Д. Шереметевъ, Г. Ѳ. Штендманъ и Е. М. Ѳеоктистовъ; но болѣзни отсутствовали А. Ѳ. Бычковъ.

чившаго Государя Александра Александровича показывали Его теплую, искреннюю любовь къ морю и расположеніе ко всему морскому. Морскія поѣздки, время лѣтняго отдыха въ шхерахъ Финляндіи, удовольствіе, съ которымъ Его Величество любовался всякимъ хорошимъ кораблемъ, даже маленькимъ пароходомъ и шлюпкой съ выдающимися морскими качествами, и тотъ интересъ и глубокое вниманіе, съ которымъ Онъ нерѣдко настойчиво и терпѣливо вникалъ въ самыя скучныя для не спеціалиста морскія техническія подробности, выказывали въ покойномъ Государѣ не только одну любовь ко всему морскому, но и вліеніе къ морю, присущее истинному моряку.

„Неутомимая заботливость Государя о флотѣ, Его отечески-милостивое вниманіе къ морякамъ, при трогательной простотѣ и очаровательной ласковости обращенія, создали ту данную, благотворную духовную силу, которая оживляла весь организмъ флота. Вещественные, матеріальные плоды этого одушевленія проявились въ неимовѣрной быстротѣ осуществленія исполнительныхъ предначертаній Государя, напоминающихъ своимъ величіемъ и важностію своего значенія дѣятельность Петра Великаго.

„Одинъ изъ нашихъ русскихъ, замѣчательно умныхъ сановниковъ-простолюдиновъ, въ изданной имъ книгѣ, высказалъ мысль, что „ничего нѣтъ въ мірѣ могущественнѣе владычества сердца надъ сердцами, убѣжденными въ томъ, что ихъ добросовѣстныя стремленія вполнѣ доступны возлюбленнымъ Верховной Власти. На этой плодотворной важности, составляющей нашу историческую конституцію, создалась сила Россіи". Такою именно и было благотворное вліяніе въ Возѣ почившаго Государя на дѣятельность флота. Всѣ члены морской семьи, съ высшимъ представителей флота до послѣдняго матроса и портоваго рабочаго, не изъ страха, но „любви ради" проникнуты были общимъ пламеннымъ желаніемъ выполнить свое служебное дѣло не наполовину только, но хорошо и добросовѣстно, насколько хватало у каждаго силъ и умѣнья.

„При необъятной, разнообразной массѣ работъ, нововведеній и усовершенствованій, произведенныхъ по флоту и морскому вѣдомству, въ минувшее царствованіе, въ настоящемъ очеркѣ нѣтъ возможности даже коснуться всѣхъ сторонъ этой дѣятельности, и необходимость заставляетъ ограничиться только самымъ краткимъ указаніемъ на немногія частности, преимущественно тѣ, въ которыхъ Монархъ покровительство наукѣ морскаго дѣла принесло важные плоды.

„Сознавая справедливость мнѣнія, что лучшее средство для сохраненія мира есть готовность къ войнѣ, Государь-Миротворецъ, среди громадныхъ царственныхъ трудовъ, посвящалъ немало времени заботамъ объ усовершенствованіи своего флота. Въ одномъ оффиціальномъ документѣ первыхъ годовъ Царствованія покойнаго Государя находится о тогдашнемъ флотѣ слѣдующій отзывъ лица, вполнѣ компетентнаго въ дѣлѣ: „Съ грустнымъ чувствомъ должно сознаться, что „Петръ Великій" есть нашъ единственный сильный боевой корабль. Всѣ прочія суда нашинесособны къ борьбѣ съ первоклассными броненосцами, которыми располагаютъ другія морскія державы, да и самое значеніе ихъ, какъ передвижной силы, обороняющей наши берега, весьма сомнительно". При сравненіи съ этимъ прежнимъ флотомъ грознаго многовѣщаннаго настоящаго, несомнѣнно оказываетъ громадность трудовъ покойнаго Государя по усовершенствованію флота. Великое дѣло возсозданія доблестнаго флота черноморскаго началось и продолжалось съ чудною быстротою и успѣшностью; тысячи тысячъ разнообразныхъ трудностей, встрѣчавшихся при организаціи работъ, были побѣждены, и въ 1888 году при обозрѣніи Кавказа, въ новороссійской бухтѣ, Императоръ имѣлъ удовольствіе увидѣть грозный строй первенцу своего возрожденнаго флота, въ числѣ которыхъ были и грозные броненосцы „Екатерина II" и „Чесма". Какъ дорогъ для сердца Государя былъ этотъ успѣхъ, показываетъ слова Высочайшаго рескрипта на Имя Августѣйшаго Генералъ-Адмирала Великаго Князя Алексѣя Александровича: „Въ настоящее пребываніе Мое на югѣ Я убѣдился, что воля Моя имѣть такъ флотъ приводится въ исполненіе, подъ руководствомъ Вашимъ, съ настойчивостію и успѣхомъ... Труды по сооруженію флота прошлаго столѣтія тѣмъ сближаетъ со Мною всѣ, кому дороги честь, значеніе и спокойствіе Отечества".

„Одновременно съ черноморскими судами, и съ такою же быстротою, строились и суда для балтійскаго флота, составляющія въ сущности не только численное его увеличеніе, но, также, настоящее возрожденіе, потому что, по своимъ боевымъ и морскимъ качествамъ, новыя суда далеко превосходили суда прежней постройки. Благодаря быстрымъ успѣхамъ наукъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ морскому дѣлу, всякое изъ вновь построенныхъ судовъ, представляющее, такъ сказать, послѣднее слово науки, имѣло множество новыхъ усовершенствованій. Приэтомъ, составъ флота пополнялся всѣми разнообразными типами судовъ, необходимыми для успѣшной дѣятельности флота, при различныхъ обстоятельствахъ.

„При спѣшной постройкѣ судовъ, величинѣ ихъ размѣровъ, громадности и разнообразіи артиллеріи, множествѣ новыхъ механизмовъ и, особенно, введеніи въ дѣло, вмѣсто прежнихъ дерева и желѣза, новаго строительнаго матеріала—стали, удесятерились трудности какъ проектированія чертежа судна, такъ и производства его постройки.

„Независимо отъ увеличенія числа судовъ и усовершенствованія ихъ артиллеріи, боевыя силы нашего флота значительно возросли и отъ усовершенствованія его минаго вооруженія, которое, въ прошедшее царствованіе, вышло изъ періода попытокъ и пріобрѣло увѣренность въ возможности самостоятельной дѣятельности. Одновременно съ усовершенствованіемъ судовъ миноносцевъ, улучшился у насъ и самый способъ дѣйствія минами. Усовершенствованіе электрическаго освѣщенія судовъ и другія полезныя примѣненія электрической силы, въ продолженіе минувшаго царствованія, также получили немалое значеніе для мирной и боевой морской дѣятельности судовъ; такъ, напр., устройство электрическихъ вентиляторовъ для освѣженія воздуха въ внутреннихъ помѣщеніяхъ судовъ; замѣна, въ нѣкоторыхъ судовыхъ механизмахъ, пара электричествомъ и приспособленіе послѣдняго для отопленія камбуза (корабельной кухонной печи) и кают; примѣненіе электричества къ вращенію башенъ, въ которыхъ помѣщаются орудія, и къ подъему и подачѣ тяжелыхъ артиллерійскихъ снарядовъ, и т. п. Не меньшія усовершенствованія сдѣланы были и въ механизмахъ, приводящихъ суда въ движеніе. Невозможное прежде, по своей опасности, употребленіе на большихъ судахъ выгодныхъ машинъ высокаго давленія, при усовершенствованіи производства стали и лучшей обработкѣ котельныхъ листовъ, дало возможность, безъ всякой опасности, ставить и на большія суда машины высокаго давленія тройнаго расширенія. Вмѣсто одного винта, приводящаго судно въ движеніе, стали вводиться два и даже три винта, что предоставляетъ значительныя удобства для поворотливости и другихъ морскихъ качествъ судовъ. При усердныхъ трудахъ всѣхъ участниковъ великаго дѣла увеличенія боевой силы нашего флота, душою всего былъ самъ въ Возѣ почившій Императоръ. Съ глубокою мудрою предусмотрительностью давая общее направленіе дѣлу, Государь, заботливо, съ неиспытанною настойчивостью, слѣдилъ за всѣми наиболѣе важными его подробностями, и при этомъ находилъ еще возможность обращать вниманіе на нѣкоторыя спеціальныя частности. Такъ, напр., при обсужденіи вопроса о выборѣ лучшихъ котловъ для судовыхъ машинъ, Государь, по своему личному усмотрѣнію, одаетъ справедливое преимущество системѣ водотрубныхъ котловъ Бельвиля и, даже, приказалъ ихъ установить на собственныхъ яхтахъ: „Маревѣ", „Полярная Звѣзда" и строившіяся „Штандартъ".

„При формированіи эскадръ въ заграничныя плаванія, Государь самъ назначалъ, какія послать суда, и при этомъ, по составу эскадръ, нельзя было не замѣтить, что въ нихъ входили преимущественно суда, построенныя въ Россіи, а не за-границею. Наконецъ, относясь постоянно съ особенно мнительнымъ вниманіемъ къ работамъ по исторіи флота, покойный Государь благоволилъ иногда дѣлать нѣкоторыя указанія, какъ, напр., случилось относительно изданія „Описанія дѣлъ архива морскаго министерства", когда Его Величеству угодно было прежній срокъ окончанія изданія, ограниченный первыми годами царствованія Александра I, передвинуть къ концу отечественной войны, съ тою цѣлью, чтобы въ описаніе вошли дѣла славной для нашего флота экспедиціи Сенявина.

„Благотворное вниманіе Государя и сердечное сочувствіе Его успѣхамъ морскаго дѣла во всѣхъ его разнообразіяхъ, такъ сказать, окрыляло русскую мысль, возбудило въ морскихъ ученыхъ спеціалистахъ увѣренность въ возможности самостоятельной дѣятельности и значительно ослабило рабское благоговѣніе ко всему иностранному, въ ущербъ русскому. Благодаря такому настроенію, въ продолженіе прошедшаго царствованія начали чаще появляться, по разнымъ морскимъ спеціальностямъ, множество собственно русскихъ изобрѣтеній, въ числѣ которыхъ были и весьма важныя.

„По представленному здѣсь бѣглому очерку только малой части благотворныхъ для флота трудовъ въ Возѣ почившаго Императора, невозможно представить себѣ въ цѣломъ ту громадную, великую массу плодовъ морской дѣятельности, которая была принята осуществленіемъ мыслей почившаго Монарха-Труженика. Въ это благодатное, мирное Царствованіе, флотъ нашъ, подъ непосредственныхъ руководствомъ державной воли, успѣлъ до грозныхъ размѣровъ увеличить свою боевую силу, произвести многія улучшенія въ портовой и административной дѣятельности и организовать успѣшное [illegible] Значаемъ лучшаго состава флота для плаваній плаваніями и спеціальными отрядами—практическимъ, артиллерійскимъ и учебнымъ. Плаваніяя за-границею наши суда, всегда и вездѣ, при своемъ появленіи въ иностранныхъ портахъ, по большей части вызывали похвалы какъ по блестящему состоянію самыхъ судовъ, такъ существующему на нихъ порядку и бравому, молодецкому виду нашихъ матросовъ

„Дѣятельно сооружающійся великій сибирскій путь, эта могучая жизненная артерія государства, которой предстоитъ возродить и развить экономическое благосостояніе значительной части Россіи, намѣчаетъ въ недалекомъ будущемъ и для нашего флота великія цѣли во славу Царя и на благо нашей дорогой родины".

Затѣмъ Н. Ѳ. Дубровинъ сдѣлалъ сжатый краткій обзоръ развитія русской исторической науки въ Царствованіе Императора Александра Третьяго:

„Высокое покровительство Императора Александра Александровича наукѣ вообще и русской исторіи въ особенности дало возможность Императорской академіи наукъ, какъ высшему ученому сословію въ Имперіи, развить свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Дѣятельность эта выразилась въ изданіи первоисточниковъ, касающихся исторіи русскаго народа, во всѣхъ проявленіяхъ его жизни. Наиболѣе выдающимся явленіемъ въ этомъ отношеніи и ближайшимъ къ нашему времени была, конечно, отечественная война 1812 года, и въ 1882 году начало изданіе академіи, подъ заглавіемъ: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ", а въ слѣдующемъ году „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I". Переписка, дополняя во многомъ оффиціальныя донесенія, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о высокомъ патріотизмѣ нашихъ предковъ въ отечественную войну и хорошо знакомятъ съ внутреннимъ состояніемъ государства.

„Вслѣдъ затѣмъ, академія приступила къ печатанію записокъ митрополита литовскаго Іосифа Сѣмашко, касающихся весьма важныхъ событій въ царствованіе Императора Николая I—второсепенія въ 1839 году уніатовъ съ Православною церковью.

„Одну изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ исторіи умственной и общественной жизни Россіи составляетъ эпоха Петра Великаго. Для всесторонняго изученія и справедливой оцѣнки личности и дѣятельности этого Государя предпринято, на пожалованныя въ Возѣ почившимъ Императоромъ средства, изданіе такого собранія писемъ и бумагъ Петра I, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера Монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію любимой имъ Россіи. Изданіе писемъ и бумагъ Петра Великаго принялъ на себя академикъ А. Ѳ. Бычковъ, которымъ и напечатано уже нѣсколько томовъ. Когда изданіе собранія писемъ и бумагъ будетъ окончено, тогда образъ Великаго Монарха предстанетъ передъ Россіею пристрастнымъ потомствомъ въ полномъ своемъ величіи.

„Рядомъ съ этимъ шло печатаніе другаго, не менѣе важнаго, изданія, относящагося къ исторіи Петра Великаго, безусловно необходимаго для уразумѣнія народной жизни того времени. Всѣмъ изслѣдователямъ извѣстно, что Сенатъ Петра Великаго сосредоточивалъ въ себѣ важнѣйшія дѣла по вопросамъ государственнаго управленія, а между тѣмъ они были недоступны ученымъ. Предпринятымъ изданіемъ „Докладовъ и приговоровъ правительствующаго сената въ Царствованіе Петра Великаго" академія имѣла въ виду воздать долгъ благодарнѣйшей признательности къ Великому Монарху и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать прочныя основы для лучшаго познанія быта нашего Отечества въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

„Исторія Россіи невозможна безъ помощи оффиціальныхъ документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, и ея успѣхъ въ значительной степени зависитъ отъ хорошаго устройства архивовъ и отъ большей или меньшей приспособленности ихъ къ ученымъ занятіямъ. На этомъ основаніи и по почину покойнаго академика Н. В. Калачева была образована, подъ его предсѣдательствомъ, Высочайше утвержденная коммиссія объ устройствѣ какъ центральныхъ, такъ и провинціальныхъ архивовъ. Результатомъ ея дѣятельности было открытіе архивныхъ коммиссій въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, причемъ многими изъ нихъ изданы и продолжаютъ издаваться весьма цѣнныя матеріалы, отставшіеся до сихъ поръ неизвѣстными. Архивныя коммиссіи и ихъ архивы стали дѣятельными центрами сохраненія и обработки для науки письменныхъ памятниковъ старины, разсѣянныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи. Но такъ какъ для полнаго благоустройства архивовъ необходимы спеціальныя приготовленіе ученые хранители, то по мысли того же академика Калачева и имъ самимъ былъ основанъ „Археологическій институтъ". Осуществленіе задачъ архивныхъ коммиссій и тѣсно связанныхъ съ ними Археологическаго института обезпечили собою дальнѣйшій ходъ исторической науки въ Россіи. Занятія участниковъ коммиссіи и слушателей института, по разработкѣ архивныхъ матеріаловъ и по описанію вещественныхъ памятниковъ русскихъ древностей, пополняются въ изданномъ институтомъ „Археологическомъ Сборникѣ".

„Вскорѣ послѣ вступленія въ должность президента академіи наукъ, графъ Д. А. Толстой выразилъ мысль о необходимости составленія исторіи академіи наукъ вообще, говоримъ вообще потому, что до полвины настоящаго столѣтія академія состояла изъ двухъ учрежденій: Императорской академіи и Россійской академіи наукъ. Исторія послѣдней написана академикомъ Сухомлиновымъ, а исторія Императорской академіи, начатая П. Пекарскимъ, прекратилась за его кончиною. Въ виду этого гр. Толстой считалъ необходимымъ подготовить и издать матеріалы, хранящіеся въ академическомъ архивѣ, чтобы сдѣлать ихъ доступными для изслѣдователей исторіи просвѣщенія въ Россіи. Въ 1884 году было Высочайше пожаловано 5000 рублей на изданіе „Матеріаловъ для исторіи академіи наукъ", первый томъ которыхъ появился въ 1885 году, подъ редакціею академика М. И. Сухомлинова. Тогда-же приступлено было къ изданію матеріаловъ по присоединенію Крыма къ Россіи, которыхъ и издано пять томовъ.

„Съ 1886 года начали издаваться переданныя въ академію бумаги покойнаго епископа Порфирія, весьма интересныя и важныя для исторіи церковной и гражданской.

„Спустя три года, а именно съ 1889 года, академія наукъ приступила, на Высочайше пожалованныя средства, къ [illegible] „Актовъ московскаго [illegible] Значаемъ лучшаго состава флота для плаваній плаваніями и спеціальными отрядами—практическимъ, артиллерійскимъ и учебнымъ. Плаваніяя за-границею наши суда, всегда и вездѣ, при своемъ появленіи въ иностранныхъ портахъ, по большей части вызывали похвалы какъ по блестящему состоянію самыхъ судовъ, такъ существующему на нихъ порядку и бравому, молодецкому виду нашихъ матросовъ

„Дѣятельно сооружающійся великій сибирскій путь, эта могучая жизненная артерія государства, которой предстоитъ возродить и развить экономическое благосостояніе значительной части Россіи, намѣчаетъ въ недалекомъ будущемъ и для нашего флота великія цѣли во славу Царя и на благо нашей дорогой родины".

Затѣмъ Н. Ѳ. Дубровинъ сдѣлалъ сжатый краткій обзоръ развитія русской исторической науки въ Царствованіе Императора Александра Третьяго:

„Высокое покровительство Императора Александра Александровича наукѣ вообще и русской исторіи въ особенности дало возможность Императорской академіи наукъ, какъ высшему ученому сословію въ Имперіи, развить свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Дѣятельность эта выразилась въ изданіи первоисточниковъ, касающихся исторіи русскаго народа, во всѣхъ проявленіяхъ его жизни. Наиболѣе выдающимся явленіемъ въ этомъ отношеніи и ближайшимъ къ нашему времени была, конечно, отечественная война 1812 года, и въ 1882 году начало изданіе академіи, подъ заглавіемъ: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ", а въ слѣдующемъ году „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I". Переписка, дополняя во многомъ оффиціальныя донесенія, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о высокомъ патріотизмѣ нашихъ предковъ въ отечественную войну и хорошо знакомятъ съ внутреннимъ состояніемъ государства.

„Вслѣдъ затѣмъ, академія приступила къ печатанію записокъ митрополита литовскаго Іосифа Сѣмашко, касающихся весьма важныхъ событій въ царствованіе Императора Николая I—второсепенія въ 1839 году уніатовъ съ Православною церковью.

„Одну изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ исторіи умственной и общественной жизни Россіи составляетъ эпоха Петра Великаго. Для всесторонняго изученія и справедливой оцѣнки личности и дѣятельности этого Государя предпринято, на пожалованныя въ Возѣ почившимъ Императоромъ средства, изданіе такого собранія писемъ и бумагъ Петра I, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера Монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію любимой имъ Россіи. Изданіе писемъ и бумагъ Петра Великаго принялъ на себя академикъ А. Ѳ. Бычковъ, которымъ и напечатано уже нѣсколько томовъ. Когда изданіе собранія писемъ и бумагъ будетъ окончено, тогда образъ Великаго Монарха предстанетъ передъ Россіею пристрастнымъ потомствомъ въ полномъ своемъ величіи.

„Рядомъ съ этимъ шло печатаніе другаго, не менѣе важнаго, изданія, относящагося къ исторіи Петра Великаго, безусловно необходимаго для уразумѣнія народной жизни того времени. Всѣмъ изслѣдователямъ извѣстно, что Сенатъ Петра Великаго сосредоточивалъ въ себѣ важнѣйшія дѣла по вопросамъ государственнаго управленія, а между тѣмъ они были недоступны ученымъ. Предпринятымъ изданіемъ „Докладовъ и приговоровъ правительствующаго сената въ Царствованіе Петра Великаго" академія имѣла въ виду воздать долгъ благодарнѣйшей признательности къ Великому Монарху и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать прочныя основы для лучшаго познанія быта нашего Отечества въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

„Исторія Россіи невозможна безъ помощи оффиціальныхъ документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, и ея успѣхъ въ значительной степени зависитъ отъ хорошаго устройства архивовъ и отъ большей или меньшей приспособленности ихъ къ ученымъ занятіямъ. На этомъ основаніи и по почину покойнаго академика Н. В. Калачева была образована, подъ его предсѣдательствомъ, Высочайше утвержденная коммиссія объ устройствѣ какъ центральныхъ, такъ и провинціальныхъ архивовъ. Результатомъ ея дѣятельности было открытіе архивныхъ коммиссій въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, причемъ многими изъ нихъ изданы и продолжаютъ издаваться весьма цѣнныя матеріалы, отставшіеся до сихъ поръ неизвѣстными. Архивныя коммиссіи и ихъ архивы стали дѣятельными центрами сохраненія и обработки для науки письменныхъ памятниковъ старины, разсѣянныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи. Но такъ какъ для полнаго благоустройства архивовъ необходимы спеціально приготовленные ученые хранители, то по мысли того же академика Калачева и имъ самимъ былъ основанъ „Археологическій институтъ". Осуществленіе задачъ архивныхъ коммиссій и тѣсно связанныхъ съ ними Археологическаго института обезпечили собою дальнѣйшій ходъ исторической науки въ Россіи. Занятія участниковъ коммиссіи и слушателей института, по разработкѣ архивныхъ матеріаловъ и по описанію вещественныхъ памятниковъ русскихъ древностей, пополняются въ изданномъ институтомъ „Археологическомъ Сборникѣ".

„Вскорѣ послѣ вступленія въ должность президента академіи наукъ, графъ Д. А. Толстой выразилъ мысль о необходимости составленія исторіи академіи наукъ вообще, говоримъ вообще потому, что до половины настоящаго столѣтія академія состояла изъ двухъ учрежденій: Императорской академіи и Россійской академіи наукъ. Исторія послѣдней написана академикомъ Сухомлиновымъ, а исторія Императорской академіи, начатая П. Пекарскимъ, прекратилась за его кончиною. Въ виду этого гр. Толстой считалъ необходимымъ подготовить и издать матеріалы, хранящіеся въ академическомъ архивѣ, чтобы сдѣлать ихъ доступными для изслѣдователей исторіи просвѣщенія въ Россіи. Въ 1884 году было Высочайше пожаловано 5000 рублей на изданіе „Матеріаловъ для исторіи академіи наукъ", первый томъ которыхъ появился въ 1885 году, подъ редакціею академика М. И. Сухомлинова. Тогда-же приступлено было къ изданію матеріаловъ по присоединенію Крыма къ Россіи, которыхъ и издано пять томовъ.

„Въ 1886 года начали издаваться переданныя въ академію бумаги покойнаго епископа Порфирія, весьма интересныя и важныя для исторіи церковной и гражданской.

„Спустя три года, а именно съ 1889 года, академія наукъ приступила, на Высочайше пожалованныя средства, къ [illegible] „Актовъ московскаго [illegible] Значаемъ лучшаго состава флота для плаваній плаваніями и спеціальными отрядами—практическимъ, артиллерійскимъ и учебнымъ. Плаваніяя за-границею наши суда, всегда и вездѣ, при своемъ появленіи въ иностранныхъ портахъ, по большей части вызывали похвалы какъ по блестящему состоянію самыхъ судовъ, такъ существующему на нихъ порядку и бравому, молодецкому виду нашихъ матросовъ

„Дѣятельно сооружающійся великій сибирскій путь, эта могучая жизненная артерія государства, которой предстоитъ возродить и развить экономическое благосостояніе значительной части Россіи, намѣчаетъ въ недалекомъ будущемъ и для нашего флота великія цѣли во славу Царя и на благо нашей дорогой родины".

Затѣмъ Н. Ѳ. Дубровинъ сдѣлалъ сжатый краткій обзоръ развитія русской исторической науки въ Царствованіе Императора Александра Третьяго:

„Высокое покровительство Императора Александра Александровича наукѣ вообще и русской исторіи въ особенности дало возможность Императорской академіи наукъ, какъ высшему ученому сословію въ Имперіи, развить свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Дѣятельность эта выразилась въ изданіи первоисточниковъ, касающихся исторіи русскаго народа, во всѣхъ проявленіяхъ его жизни. Наиболѣе выдающимся явленіемъ въ этомъ отношеніи и ближайшимъ къ нашему времени была, конечно, отечественная война 1812 года, и въ 1882 году начало изданіе академіи, подъ заглавіемъ: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ", а въ слѣдующемъ году „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I". Переписка, дополняя во многомъ оффиціальныя донесенія, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о высокомъ патріотизмѣ нашихъ предковъ въ отечественную войну и хорошо знакомятъ съ внутреннимъ состояніемъ государства.

„Вслѣдъ затѣмъ, академія приступила къ печатанію записокъ митрополита литовскаго Іосифа Сѣмашко, касающихся весьма важныхъ событій въ царствованіе Императора Николая I—второсепенія въ 1839 году уніатовъ съ Православною церковью.

„Одну изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ исторіи умственной и общественной жизни Россіи составляетъ эпоха Петра Великаго. Для всесторонняго изученія и справедливой оцѣнки личности и дѣятельности этого Государя предпринято, на пожалованныя въ Возѣ почившимъ Императоромъ средства, изданіе такого собранія писемъ и бумагъ Петра I, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера Монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію любимой имъ Россіи. Изданіе писемъ и бумагъ Петра Великаго принялъ на себя академикъ А. Ѳ. Бычковъ, которымъ и напечатано уже нѣсколько томовъ. Когда изданіе собранія писемъ и бумагъ будетъ окончено, тогда образъ Великаго Монарха предстанетъ передъ Россіею пристрастнымъ потомствомъ въ полномъ своемъ величіи.

„Рядомъ съ этимъ шло печатаніе другаго, не менѣе важнаго, изданія, относящагося къ исторіи Петра Великаго, безусловно необходимаго для уразумѣнія народной жизни того времени. Всѣмъ изслѣдователямъ извѣстно, что Сенатъ Петра Великаго сосредоточивалъ въ себѣ важнѣйшія дѣла по вопросамъ государственнаго управленія, а

чувство, и тогда всякій фактъ, всякій характеръ въ исторіи отвѣчаетъ на то, чему душа вѣритъ, что ужь въ состояніи обнять, такъ что своя духовная жизнь становится для человѣка текстомъ, а лѣтопись исторіи—комментаріемъ къ нему. Въ этомъ свѣтѣ событія открываютъ ему свое таинственное значеніе, и мертвая лѣтопись оживляется поэзіей духовной жизни цѣлаго народа. Иное, въ чемъ наука, анализируя факты и свидѣтельства о нихъ, видитъ одну легенду, сложившуюся въ народномъ представленіи,—то самое подчасть смыслъ явленій, оправдавшаго себя въ жизни и въ исторіи, становится истиною для духа. Чего-бы ни достигъ разлагающій анализъ ученаго историка въ изслѣдованіи сказаній о Владимірѣ, о Дмитріи, о Сергіѣ, объ Александрѣ Невскомъ,—для чуткой души это явленіе, этотъ образъ становится созвѣздіемъ, проливающимъ на нее лучи свои, совершающимъ надъ нею свое теченіе въ тверди небесной.

„Мнѣ представляется, что такъ образовалась душа почившаго незабвеннаго Государя, котораго память собрались мы нынѣ чествовать въ Обществѣ, Имъ основанномъ. Душа Его была чуткая въ отзывчивости ко всему, въ чемъ сказывалась ей природа Своей земли и Своего народа.

„Онъ выросъ возлѣ старшаго Брата, Наслѣдника Престола, можно сказать *въ тѣни* его, питая Свою душу дружбою съ нимъ, воспринимая отъ него впечатлѣнія и вкусы его умственнаго и нравственнаго развитія. То были годы безпорядочнаго броженія умовъ въ наукѣ, въ литературѣ и въ обществѣ, но близъ Цесаревича столпили люди, которые способны были привлечь его вниманіе къ явленіямъ русской жизни, къ сокровищамъ духа народнаго и въ исторіи народа и въ его литературѣ. Таковы были—О. И. Бусламевъ, С. М. Соловьевъ. Подъ вліяніемъ ихъ образовались вкусы обоихъ Братьевъ и интересъ Ихъ къ русской старинѣ. Въ поѣздкахъ Своихъ по Россіи, изо-дня-въ-день подумѣвшемъ встрѣчавшимъ Его повсюду народнымъ цвѣтеніемъ, Цесаревичъ успѣлъ узнать и полюбить народъ Свой и прослѣдить ходъ его исторіи на памятникахъ древности, успѣлъ узнать и полюбить природу коренного Русскаго края, столь сродную русскому духу. Душа его росла и крѣпла на родной почвѣ, въ родной атмосферѣ, и въ письмахъ къ любимому Брату Онъ передавалъ ему свои ощущенія.

„Насталъ 1865 годъ: онъ принесъ Россіи странное горе. Богу угодно было отнять у Россіи свѣтлую ея надежду. Цесаревичъ Николай Александровичъ скончался—и оставилъ грядущія судьбы Россіи въ наслѣдство возлюбленному Брату, передавъ Ему и всѣ завѣты юной души своей.

„Нежданное, негаданное время легло на душу новаго Цесаревича, и Онъ принялъ его въ смиреніи, какъ долгъ, возложенный на Него Провидѣніемъ, принялъ и въ глубинѣ души Своей *поклялъ Богу*—судьбу Свою и Россіи. Нынѣ, и Его по волѣ Божіей оплакивая, мы видимъ, мы чувствуемъ, какъ до конца оправдалась эта вѣра!

„Съ этого дня до вступленія на Престолъ, въ 1881 году, онъ зрѣлъ въ тишинѣ, не думая не гадая о томъ страшномъ часѣ, которымъ ознаменовалось вступленіе Его на Царство. Эти годы были для него по-истинѣ годами воспитанія, и оно совершилось въ [illegible] народныхъ преданіяхъ и Русскаго Государства. Еще въ дѣтствѣ любимымъ Его чтеніемъ были историческіе романы Загоскина и Лажечникова, и въ немъ, какъ во многихъ русскихъ дѣтяхъ, это чтеніе возбудило первыя движенія любви къ Отечеству и національной гордости. Интересъ къ этому чтенію сохранилъ Онъ и въ юности, и въ послѣдующіе годы Своей жизни. Бесѣды съ С. М. Соловьевымъ открыли ему внутренній смыслъ русской исторіи и значеніе борьбы, которую вело собирающее землю Государство съ противногосударственными и противнохристіанскими силами. Ему нравилось сидѣться съ умными русскими людьми и Онъ любилъ слушать ихъ рѣчи о русской старинѣ и сужденія о дѣлахъ и событіяхъ новаго времени съ русской точки зрѣнія: такъ росла въ Немъ та чуткость къ русскимъ интересамъ, которая въ годы царствованія открылась намъ—въ снѣѣ истинной государственной мудрости. Памятники русской старины, которые Онъ изучилъ наглядно во время поѣздокъ по Россіи, были всегда для Него предметомъ особливаго интереса, и Онъ опущалъ тонко ту своеобразную красоту линій и украшеній, которою отличается типъ нашей старинной церковной архитектуры. Съ тѣхъ поръ требовалъ Онъ къ Своему разсмотрѣнію всѣ проекты новыхъ церковныхъ сооруженій, и такъ Его съ удивительною вѣрностью различалъ все, что въ отдѣльныхъ частяхъ зданія нарушало цѣльную его гармонію или не согласовалось съ основнымъ типомъ. Въ душѣ Его отражался лучшимъ, привлекательнымъ чертами тотъ образъ великорусскаго человѣка, который привлекаетъ къ нему сочувствіе всѣхъ успѣшныхъ близко съ нимъ ознакомившихъ. И въ людяхъ и въ учрежденіяхъ Ему было противно все искусственное, напускное и напыщенное; но простой человѣкъ, приближаясь къ Нему, чувствовалъ свое душевное сродство съ Русскимъ Государемъ.

„И для отдѣльнаго человѣка и для народа, для общества—всю цѣну *исторіи* составляетъ *самосознаніе*. И отдѣльный человѣкъ и народъ—представляемый властью—познаетъ себя въ своей исторіи. Поучительна исторія развитія этого самосознанія у насъ въ Россіи. Стоитъ сравнить въ этомъ отношеніи двѣ эпохи—начало и конецъ текущаго столѣтія, время двухъ Александровъ Императоровъ,—Александра Перваго и Александра Третьяго. Первый Александръ тоже любилъ Россію и народъ свой, но Его воспитаніе не дало Ему возможности узнать на исторіи страны своей, ни народъ свой. Онъ родился въ такое время, когда простой народъ слылъ подъ общимъ названіемъ *подлыхъ* людей, и сверху, мало кто различалъ въ немъ обликъ достоинства; когда западная культура, перенесенная на русскую почву, выражалась лишь во внѣшнихъ формахъ чужаго какъ быта; когда на самую церковь смотрѣли сверху какъ на учрежденіе, необходимое для народа, но уступающее въ достоинствѣ римскому культу просвѣщеннаго Запада. И ужь, и сердце недѣжимо влекли молодаго Государя къ возвышенной цѣли—править ко благу народному, водворить порядокъ въ хаосѣ учрежденій, искоренить злоупотребленія, разрушить стѣснительныя уже рабства и предразсудка. Но идеалъ, къ которому принадлежалъ Его стремленія и планы,—былъ не въ Россіи, а *внѣ ея*. Воспитанный Лагарпомъ въ духѣ отвлеченныхъ идей философіи XVIII столѣтія, изъ нихъ почерпалъ онъ отвлеченный идеалъ Свой,—а русская исторія, русская дѣйствительность была Ему закрыта и представлялась чистымъ полемъ, на которомъ можно строить что угодно. Окруженный пледою юныхъ совѣтниковъ, онъ за-одно съ ними погружался въ мечтанія. Не зная натуры народа и его потребностей, мечталъ о представительномъ правленіи, довѣривовавшемъ, будто бы, водворить разумъ и правду въ правительствѣ; не зная церкви православной въ ея народномъ значеніи,—мечталъ объ уравненіи съ нею всѣхъ вѣроисповѣданій и о безразличіи церквей и вѣроученій; мечталъ о возстановленіи Польши, не зная исторіи, которая сказала бы ему, что Царство Польское—означаетъ рабство и угнетеніе для всего русскаго народа.

„Съ этого времени до вступленія на Престолъ Императора Александра Третьяго протекло слишкомъ полстолѣтія. Въ этотъ періодъ времени трудно исчислить, сколько сдѣлано успѣховъ, какъ выросло русское историческое самосознаніе,—и наиболѣе замѣтный ростъ его относится именно ко времени воспитанія и первой юности Цесаревича Александра Александровича. Открыто и обнаружено множество новыхъ памятниковъ, освѣтившихъ исторію народной жизни, явились молодые ученые съ самостоятельными взглядами на учрежденія и событія, и характеры, въ литературѣ и въ обществѣ проснулся живой интересъ къ памятникамъ народнаго творчества въ пѣсняхъ, въ былинахъ, въ музыкѣ, въ архитектурѣ. Въ Москвѣ собрался кружокъ культурно-образованныхъ людей, одушевленныхъ мыслью о необходимости народнаго самопознанія въ изслѣдованіи прошедшихъ судебъ страны своей и своего народа; они явились въ обществѣ и въ литературѣ съ протестомъ противъ ложнаго отношенія къ русской жизни и ея потребностямъ, противъ самодовольнаго невѣжества и равнодушія ко всему, что касалось до самыхъ жизнь интересовъ Россіи. Это были люди, искавшіе въ прошедшемъ своей родины идеала для устройства будущихъ судебъ ея, и они первые сознательно выяснили передъ всѣми неразадѣлную связь русской народности—съ вѣрой и съ православной церковью. Незавидно отъ крайностей ученія,—слово это было необходимо въ виду надвигавшейся съ Запада тучи космополитизма и либеральнаго доктринерства; вотъ почему дѣятельность этого кружка имѣла важное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Молодой Наслѣдникъ Цесаревичъ, рано ознакомившійся съ этимъ направленіемъ чрезъ А. Ѳ. Тютчева, не могъ не сочувствовать ему чуткимъ русскимъ сердцемъ, любящимъ народъ Свой и землю и жаждущимъ правды и примаго дѣла для земли Своей.

„Посреди такихъ явленій и воздѣйствій возростаетъ и образовался будущій Императоръ. И чистѣ съ тѣмъ выросла и укрѣплялась въ народѣ вѣра въ Него, оправдавшаяся въ течені

гнать турокъ изъ Европы, овладѣть Константинополемъ и, возстановивъ тамъ престолъ византійскихъ императоровъ, возвести на него одного изъ Великихъ Князей Русскаго Императорскаго Дома. Этотъ проектъ, извѣстный подъ именемъ „греческаго", сталъ завѣтною мечтою Императрицы Екатерины II и казался ей легко осуществимымъ. Разоренная Германія не могла вмѣшиваться тогда въ дѣла Востока, Англія не утвердила еще тамъ своего вліянія и на каждомъ шагу встрѣчала сопротивленіе въ лицѣ своей соперницы—Франціи; Австрія и Пруссія раздѣлюмъ Польши были вовлечены въ союзъ съ Россіею. Предоставленныя сами себѣ турки могли бъть легко изгнаны изъ Европы и мѣсто Турецкой могла возникнуть Византійская имперія.

„Въ то время, когда мысль эта занимала Екатерину, появился на свѣтъ, 27-го Апрѣля 1779 года, второй внукъ ея, нареченный Константиномъ и предназначенный занять престолъ византійскихъ императоровъ. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, лордъ Мельсбюри (Malmesbury), доносилъ своему правительству, что Императрица, тотчасъ послѣ рожденія Великаго Князя, стала говорить окружающимъ о своемъ намѣреніи возвести его на престолъ равноапостольнаго Константина. Когда Константину Павловичу было только три года, Императрица, въ Сентябрѣ 1782 года, сообщила свой проектъ Императору Австрійскому Іосифу и прямо указывала на своего внука какъ на родоначальника новой династіи византійскихъ императоровъ *). Греки явились у колыбели новорожденнаго Константина Павловича; кормилицею его была гречанка Елена, а первымъ его слугою грекъ Дмитрій Курута; товарищами его дѣтскихъ игръ были Колагеоргій и другіе греки, призванные съ цѣлью, чтобы дать возможность Великому Князю съ раннихъ лѣтъ ознакомиться съ греческимъ языкомъ и характеромъ будущихъ его подданныхъ. По случаю рожденія Константина Павловича была выбита особая медаль, на оборотной сторонѣ которой, между изображеніями вѣры и надежды, помѣщена и любовь, держащая на рукахъ младенца; всѣ эти фигуры озаряются сыніе лучами. Вдали виденъ константинопольскій соборъ св. Софіи, наклѣо на горизонтѣ—море и выходящая звѣзда. Императрица поручила художникамъ изобразить Константина въ одеждѣ византійскихъ кесарей, осѣненнаго крестомъ изъ семи звѣздъ, который, по преданію, явился Императору Константину Великому на небѣ, въ ночь передъ битвой его съ Максентіемъ на Мильвійскомъ мосту. Сама Императрица стала носить и ввела въ моду костюмъ, называвшійся „гречанкою". Великій Князь выросталъ среди грековъ, и, чтобы сродить ихъ съ Россіею, въ Петербургѣ былъ учрежденъ греческій кадетскій корпусъ.

Такъ подготовляла Екатерина своего внука, а князь Потемкинъ населялъ новороссійскія степи и учреждалъ города съ греческими названіями. Города эти должны были служить незамѣтною переходною полосою между двумя имперіями—Русскою и Греческою. Безкровное присоединеніе Крыма къ Россіи и неудачи Турціи въ послѣдовавшей вслѣдъ затѣмъ второй войнѣ съ Россіею давали Екатеринѣ полную надежду на возможность осуществленія завѣтнаго желанія. Въ черновыхъ собственноручныхъ ея записокъ Императрицы, по всей вѣроятности, предназначенныхъ для исторіи, мы читаемъ: „Буде успѣхи войны подали бы способы и случай Россіи къ совершенному выгнанію врага имени Христова изъ предѣловъ европейскихъ, то Россія, за таковую всему христіанству и роду человѣческому заслугу, выговариваетъ себѣ возстановленіе, на развалинахъ варварской державы, древней Греческой имперіи. Россія обѣщаетъ оную имперію въ совершенной независимости оставить, вручить и отдать младшему россійскому Великому Князю Константину Павловичу, который тогда имѣетъ дать обѣщаніе—да не учинитъ ни въ какомъ случаѣ наслѣдственное или иное притязаніе на всероссійское наслѣдіе, равномѣрно и братъ его на греческое.

„Буде вѣнскому Двору угодно какое на есть основаніе на Средиземномъ морѣ, для торговли, то въ томъ вспомоществовать (Россія) обѣщается. Оба императорскіе Двора у прочихъ Дворовъ[1] при всякомъ случаѣ приложать старанія объ успѣхѣ и спосѣшествованіи здѣсь прописаннаго.—Буде же въ ненависть союза обѣихъ Имперій иная держава почала вражду, тогда соединенными силами оную отвратить. Обѣ Имперіи обѣщаются прочихъ державъ удовольствовать торговыми выгодами.

„Для избѣжанія ссоры между трехъ Имперій, а именно: Россійской, Римской и Греческой надлежитъ опредѣлить отнынѣ на вѣчныя времена, чтобъ остались между оныхъ трехъ имперій земли отъ нихъ независимыя, а именно: Молдавія, Валахія и Бессарабія,—подъ названіемъ *Дакіи*, подъ христіанскимъ владѣтелемъ тамо господствующимъ, на вѣрноподданствѣ котораго оба Императорскіе Дворы могли положиться, установя притомъ, чтобъ сія новая держава, пребывая въ наслѣдственномъ владѣніи своего обладателя, никогда ни къ которой Имперіи присоединена быть не можетъ, означивъ точные ея предѣлы между греческой и римской.

„Между Россійской и Греческой (имперіями)—море Черное и Аѳанація. Польша должна остаться какъ она есть по конвенціямъ трехъ державъ.

„Россія отрпмается отъ пріобрѣтеній, крокѣ: 1) Очакова съ частію земли, лежащей между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, 2) Крымскаго полуострова, буде бы паче чаянія таковое правленіе по смерти нынѣшняго хана, или по какимъ-либо непредвидимымъ замѣшательствамъ, нашлось для насъ невыгоднымъ или вредномъ, и наконецъ, 3) одного, двухъ или трехъ островомъ въ Архипелагѣ, для разныхъ пользъ и выгодъ по торговлѣ.

„Вѣнскій Дворъ да возвратитъ себѣ Бѣлградъ съ частію Сербіи и Боснія и банатъ Краіовскаго".

«Стараться о возстановленіи Греческой имперіи",—писала Екатерина въ другой запискѣ,—„не выпуская никакъ изъ мысли для Константина и для того: 1) Колико для можно вѣнскій, прусскій и шведскій Дворы вводить въ французскія дѣла; 2) Принцамъ и Королю Французскому дать помочь и заступленіе; 3) Съ Англіею жить ладно, колико возможно; 4) Пользу не выпускать изъ вида, и 5) Войска стараться колико возможно содержать въ штатномъ положеніи".

Записки эти *) указываютъ, что, предназначая на престолъ Россійскій—своего внука Александра, а на Греческій—Константина, Императрица Екатерина совершенно устраивала отъ престолонаслѣдія своего сына Павла Петровича. Какъ бы въ оправданіе своихъ поступковъ, она оставила собственноручную записку слѣдующаго содержанія:

„Признаться должно, что несчастливъ тотъ родитель, который себя видитъ принужденнымъ для спасенія общаго дѣла отрѣшить своего отрослія. Тутъ уже совокупляется или совокупленa есть власть самодержавная и родительская. Итакъ, я почитаю, что премудрый Государь Петръ I, несомнѣнно, величайшія имѣлъ причины отрѣшить своего неблагодарнаго, непослушнаго и неснособнаго сына. Сей наполнилъ былъ противъ него ненавистію, злобою, сидною завистію; изыскивалъ въ отцовскихъ дѣлахъ и поступкахъ въ корнинѣ добра пымнику худаго, слушалъ ласкателей, отдавалъ суть сей своихъ истинныхъ друзей, а противъ на него не можно было такъ угодить, какъ попося и говоря худо о ономъ. Сей сынъ его родителя! Онъ же самъ былъ дѣятелъ, малодушенъ, двоякъ, нетвердъ, суровъ, любитель пьянства, [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]